

ГЛАВА 9

Петр неторопливо ходил взад-вперед по территории парковки возле зоны выдачи городского морга, насвистывая мотив песни «Вне смерти». Два дня назад умерла его бабушка, сегодня ее хоронили. Было позднее утро, поднявшееся солнце уже слепило глаза и кололо своими жаркими лучами. Около входа в здание морга курил водитель катафалка.

— Это твою бабулю сейчас повезем?

— Да, — ответил Петр.

— Люблю, когда стариков хоронят, никто не плачет, — продолжил водитель.

И потом добавил, показывая на сигарету:

— Никак не могу бросить эту гадость, но как тут бросишь? Запах мертвых отбивает только табак и полынь, но не будешь же постоянно жечь полынь в катафалке.

Через пару затяжек:

— О, началось, пойдём.

Он бросил окурок в кусты, жестом приглашая идти за ним. Когда они подошли к двери с надписью «Выдача тел», там уже стоял подогнанный Мерседес Спринтер, выполняющий роль катафалка, на лобовом стекле которого висела наклейка «Везу в рай». Водитель — явно дядька с юмором. Мама Петра топталась возле машины, дожидаясь, когда ей выдадут тело бабушки, и она, как и подобает, делает скорбное лицо и сядет рядом, чтобы сопроводить его в последний путь.

Двери морга открылись, сотрудники выкатили гроб с телом бабушки. Было видно только ее лицо, все остальное тело спряталось в разноцветных похоронных тряпках.

Петр произнес вслух:

— Как будто это не она.

В ответ ему послышался мужской шепот:

— А ты умен!

Петр осмотрелся по сторонам и никого не увидел. Но он уже ничему не удивлялся после встречи с Человеком в капюшоне и Виктором.

— Упрямое тело я выбрал на этот раз — долго не хотело сдаваться! Наконец-то я свободен. До кладбища уже не поеду. Так что адъес! Поцелуй маму за меня.

— А почему у тебя голос мужской? — спросил Петр.

— А просто так!

Голос исчез и больше Петр его не слышал.

На кладбище поп прочитал дежурную молитву, скороговоркой, как робот:

— Иже еси на небеси... Рабу Божию Софию... В рай... В ад... Аминь... Купите брошюрки, там все подробно. Закапывайте!

Приступ дежа вю: он уже видел попа, слышал про рабу Божию Софию. Но тогда он был за пределами этой картинки, а теперь внутри нее. Отмахнулся от этих мыслей.

Бабушку закопали, и Петр вызвал такси, чтобы доехать до научного института, его больничный закончился.

В лаборатории все суетились, работа кипела.

— Шеф подогнал работенки, — сказала девушка-лаборант, кажется, ее звали Маша, вспоминал Петр, он редко запоминал лица и имена людей, если это не были его близкие. — В понедельник исследовательский материал подвезли: мумии из каких-то курганов. Шеф приказал до конца недели вытащить из них основную генетическую информацию. Вот работаем в поте лица, хорошо, что ты вышел, больше рабочих рук.

У Маши было милое личико, чуть полноватое тело и добрая улыбка. В этом заведении она работала с самого открытия. Вот уже почти год.

В помещение зашла Ольга, поздоровалась с Петром и как-то странно на него посмотрела. А потом сказала всем:

— Сегодня шеф здесь. Он злой уже третий день. Поэтому лучше не попадайтесь ему на глаза. И до конца дня положите мне на стол распечатку с основными маркерами этих двух мумий. До завтра мне нужно ему расписать все это дело, перевести с научного на русский.

И вышла.

— А чего это Георгий такой злой? — спросил Петр.

— Да сплетничают, что сынок его вытворил что-то и пропал, он его третий день ищет, не может найти. А вы же с ним дружили. Ты не в курсе, где он?

— Нет. Я его в последний раз видел еще до форума на прошлой неделе в пятницу утром. Писал ему, звонил, но у него «абонент не доступен», а квартира заперта на ключ.

Петр уже начал беспокоиться за друга. Эллочка сказала, что Андрей, скорее всего, скоро объявится и что это его очередное подростковое «фи», что он сам рассказывал, как такое бывало уже пару раз. После одного из исчезновений папа определил его в наркоклинику. Но вроде бы она за это время не замечала, чтобы Андрей что-то употреблял. Петр с Элеонорой договорились, что если он в ближайшие пару дней не объявится, надо его уже начинать искать. Вдруг что-то случилось.

Петр взял небольшой кусочек ткани специальной иглой, похожей на те, которыми берут биопсию. Когда-то эта ткань была частью человека. Человек ел, пил, любил. А теперь это всего лишь часть мумии. Ткань оказалась хрупкой и под скальпелем крошилась в коричневый порошок. Вытяжки из этого порошка давали коричневую жидкость, которую Петр поместил в специальный гель, окрашенный красителем, и подверг ее воздействию электрического поля в при-

боре, похожем на микроволновую печь. Гель связался с молекулами ДНК и начал светиться в ультрафиолетовом свете розовым цветом.

Образовавшуюся массу он положил на предметное стекло, чтобы исследовать ткань под микроскопом.

Петр был очень сконцентрирован и не сразу услышал восторженные слова Маши:

— О, тут уже ядерная ДНК у одного экземпляра выделена, того, который я исследовала вчера. Как же это безумно интересно! Благодаря науке мы можем узнать, кем были те люди, которые возводили курганы, осталось от них что-то в нас с тобой, например, или они настолько перемешались с разными народами, завоевавшими степи после, что ничего не передали современному населению нашей местности. От этих загадок и возможных ответов на них захватывает дух!

Она с воодушевлением смотрела на Петра, но тот был в своих мыслях.

— Петр ты тут? — потрясла она его за плечо.

— А да, извини, я просто задумался. Я утром бабушку похоронил.

Но думал он не о бабушке, и даже не о ДНК, которую сейчас выделял, а об Андрее. У него было какое-то нехорошее предчувствие. И он пытался понять, что в нем просыпалось, уловить это заигрывание пространства-времени.

— Это была женщина, и у нее, похоже, гаплогруппа как у тебя по женской линии. Смотри. — Маша тыкала пальцем в цифры и буквы на компьютере — H4a1. Петр, может, это твоя пра-пра-сто-пра бабушка?

— Интересно, — прокомментировал Петр, — а откуда ты знаешь мои гаплогруппы?

— Ну..., — девушка замялась, — я когда обрабатывала, случайно увидела.

Петр распечатал получившийся набор букв и цифр на бумаге, такая у него была привычка, прежде чем дове-

рять процедуру расшифровки компьютеру. Он медитировал на эти буквы. Сел за стол. В кармане что-то давило в районе бедра. Он вспомнил, что вчера забыл выложить из брюк тот самый амулет с человеком-рыбой. Вынул его и машинально положил на распечатанные бумаги. Распечатки засветились зеленым цветом, и Петр увидел, как буквы АГТЦ, которыми обозначались различные генетические сочетания, начали меняться на вполне себе осмысленные слова: «Огромная армия Шаррумкена, царя Аккада, разгромила Лугальзагесси и последние надежды на то, что все будет, как раньше».

Петр с удивлением посмотрел на бумаги, на которых лежал амулет, взял его в руки. Осмысленный текст опять превратился в бесконечное сочетание букв АГТЦ. Петр снова приложил амулет, на листах начали проявляться строчки: «После этой расправы новый правитель распорядился казнить всех шумерцев царской крови. И его преданные каратели очень быстро привели приказ своего господина в исполнение».

Молодой человек спрятал амулет в карман: хорошо, что Маша стояла к нему спиной и ничего, кажется, не заметила.

— Слушай, я пойду прогуляюсь в парк рядом с институтом. Вернусь через часик. Сейчас как раз обед уже. А я утром ничего не ел, не до этого было.

— Ну ладно, — сказала Маша, продолжая рассматривать вытяжку из другой мумии через микроскоп.

Петр взял распечатки и вышел из лаборатории.

Он нашел лавочку в самом конце парка, чтобы его не тревожили сотрудники из института, тоже решившие прогуляться в обеденное время. Достал амулет, приложил его к распечаткам. Перед ним предстал текст печатными буквами на родном языке Петра.

Огромная армия Шарумкена, царя Аккада, разгромила Лугальзагесси и последние надежды на то, что все будет, как раньше. Разгромила его войско и подмяло под себя его царство.

Государством нужно управлять. И не последнюю роль в этом играет религия. Свои люди должны быть не только на троне, но и у алтаря. После этой расправы новый правитель распорядился казнить всех шумерцев царской крови. И его преданные каратели очень быстро привели приказ своего господина в исполнение.

Культ Иштар, богини плодородия, был важен для шумерской культуры. И Шарумкен подумал о том, что было бы неплохо сделать одну из своих дочерей верховной жрицей богини Иштар. Дочерей у него было несколько, самой любимой была Рамина, живая, красивая, радостная

Рамина — это я, одна из дочерей великого Шарумкена. Я обрела новую жизнь в стенах богатейшего города того времени, в Уруке. Город-государство, стремившийся к избытию, отдал свою свободу огромной империи, все разрастающейся и разрастающейся. Отец уже перестал быть человеком на службе у богов, но стал человеком, который сам через свои деяния превращается в бога. Жрецы были низведены до положения прислужников, окружающих царя и отвечающих перед ним за свои действия. Я слышала, как он диктовал писцу: «Шарумкен, царь Аккада, повелевающий смотритель Иштар, царь Урука, помазанный жрец Ану, царь страны, великий Энси Энлиля; он победил Урук и разрушил его стену; в сражении с жителями Урука он одержал победу. Он покорил все земли от Лагаша до моря; затем он омыл свое оружие в море. Энлиль не давал никому противиться Шарумкenu, царю этой страны. Энлиль отдал ему земли от Верхнего моря до Нижнего моря».

Меня как одну из дочерей бога отдали в храм Иштар, чтобы я там была жрицей. Мне очень не хотелось этого. В Уруке, да и в самом храме, многие ненавидели меня, потому что я была дочерью Шурамкена, «узурпатора и слуги». И если бы не Дуду, неизвестно, как бы закончилась моя жизнь и писала ли я бы это послание своим потомкам. Дуду был молодым воином армии моего отца. И его он тоже послал вместе со мной в Урук насаждать свою власть на местах. Тогда меня звали Рамина. Еще два раза я буду менять имя. А пока я была дочкой царя Аккада и Шумера Шарумкена и будущей жрицей храма богини Иштар. Когда я ехала в Урук, я чувствовала себя жертвенным барашком, которого отдают на заклатие, чтобы умиловать богов. Мною собирались умиловать шумерскую знать, показывая, что чтут религию местных.

На самом деле это было не так. Отец ценил только силу, и силу не божескую, а человеческую. И был очень хитер. Дуду он отправил вместе со мной, но не только для того, чтобы я, его дочь, была в безопасности, а для того, чтобы контролировать его глазами главного жреца храма.

Дуду он доверял как себе. Один из воинов отца подобрал Дуду еще совсем молодым юношей, когда тот умирал на дороге за городом. Потом Дуду спас моего отца в бою, и это был его звездный час. Воин был старше меня на 9 весен, но до сих пор не женат. Когда я шутиливо его спрашивала, почему, он отвечал, что его сердце высохло в пустыне, куда он бежал от своего отца. Он рассказывал, что отец его был гончарных дел мастером, бил его много и учил своему ремеслу. А он хотел быть воином.

Когда Дуду попал к моему отцу, его желания сбылись. С тех пор он убил много народа, особенно шумерского. Шумеров он убивал с особой жестокостью. Уж не знаю, за что он их ненавидел.

Для меня было все в новинку, и мое юное любопытство подмечало каждую деталь. Город оказался сносным, а жизнь

жрицы вполне пристойной. Если бы не слезка Дуду, можно было бы сказать, что я жила счастливо. Иногда на меня косились местные, я слышала разговоры о том, что я чужая и что мой отец варвар, но не придавала этому значения.

Храм, в котором я жила, поражал своим великолепием и мощью. Казалось, что он тут стоял всегда и будет стоять вечно, какие бы завоеватели не приходили в город. Сами боги строили его, чтобы там воздавали им честь и хвалу. Игра света и тени создавала ощущение мистерии каждый день и каждую ночь. Я долго играла с тенями на стенах, сочиняя представления при помощи рук, пока это не увидел верховный жрец и не запретил мне кощунствовать. Иштар могло бы это не понравиться. А я думала, что если бы ей не понравилось, она бы уж нашла, как мне это показать.

Особое внимание привлекал алтарь перед воротами храма. До меня доходили слухи перешептывающихся старых жриц, что некогда на этом алтаре жрец зарезал в угоду богам девушку, перед этим лишив ее невинности. После этого Иштар разозлилась и Шумер пал под семитами, т.е. войском моего отца.

Шумеры и шумерские храмы мне нравились. А я им, похоже, нет. В одну из ночей вспыхнуло восстание. Я спала на своем тюфяке, когда Дуду ворвался ко мне вот комнату.

— Одевайся, сейчас сюда придут, чтобы убить тебя.

Я спросила:

— А что случилось?

— Быстро. Все потом расскажу. — ответил он.

Я стояла перед ним совершенно голая, но его лицо не выражало ничего, кроме злой торопливости.

— Ты глупая? Тебя убить сейчас могут. Одевайся.

Я оделась, он схватил меня за руку, и мы побежали по бесчисленным коридорам Шумерского храма.

На этот раз восстание было подавлено, и я осталась жива. Теперь Дуду следил за мной еще внимательней. Но я была рада этому, потому что влюбилась. Поняла я это вне-

запно, как-то проснувшись утром. С тех пор единственным моим желанием было — стать его женой. Но меня готовили к роли главной жрицы богини Иштар. Значит, мне не положены были муж и дети. На все мои просьбы Дуду поговорить с отцом об этом, он отвечал отказом и был непреклонен. Служение Шарумкену, воплощению бога на земле, важнее личных потребностей, говорил он. И очень злился, когда я вновь и вновь заводила этот разговор.

Как-то отец сам приехал в храм, и я твердо решила с ним поговорить. В конце концов, быть жрицей или нет — это мое дело.

Разговор был коротким. Отец сказал свое жесткое нет, и попросил Дуду увести меня. Я плакала, кусалась, пыталась драться. Но отец даже не пошевелился, он пил пиво и слушал, как ему читают песни о похождениях Гильгамеша.

В тот момент что-то во мне сломалось, а что-то новое родилось. Ненависть к отцу и всем аккадцам с их должностничеством охватила меня всю. И я закричала: «Будь ты проклят! Я буду служить храму. Но ты пожалеешь об этом!» В тот день родилась Иулана, верховная жрица храма Иштар, а Рамина умерла навсегда.

Дуду силой вытащил меня из покоев отца и сказал, что с волей богов и моего отца спорить бессмысленно. «Ненавижу тебя», — только и смогла прошипеть я и побежала в свою комнатушку.

Дуду смиренно поплелся за мной. Дверь я захлопнула перед его носом. И больше с ним не разговаривала до следующего восстания в Шумере, которое изменило мой путь и мою жизнь.

Посвящение в верховные жрицы было пышным и сопровождалось соблюдением всех шумерских традиций. Отец пытался создать видимость, что он преемник шумерской культуры. Меня одели во все белое, на голову нацепили венок из засушенных цветов, вручили кувшин козьего молока, мед и баранье сердце, только что вырванное

из груди несчастного животного. Это все я должна была положить на алтарь перед входом в храм в знак того, что Я теперь принадлежу Иштар. Меня сопровождали три жреца. Один был одет в черный балахон с капюшоном, закрывающий верхнюю часть лица, в руках у него была черная свеча, а на поясе за спиной — кинжал. В жертву Иштар он принес миску с кровью священного барашка как символ живой силы. Я должна была ее выпить, чтобы иметь возможность видеть тайное и иметь доступ в мир мертвых. Второй жрец был одет во все белое, его глаза были закрыты белой повязкой, в руках у него была белая свеча, а за поясом мешочек с травами, который он поджег, и я должна была их вдыхать, чтобы уметь помогать живым, находить разные травы и лечить людей. Третий жрец был голым, и только набедренная повязка закрывала его гени- талии. В руках он держал ключ, и этот ключ он вручил мне как знак того, что я теперь могу открывать любые двери, как в горнем, так и в дольном мире.

После того, как я выпила кровь барашка, вдохнула запаха трав, надела на себя веревку с ключом и поклялась служить народу Шумера верой и правдой, я поставила на алтарь плошку с мукой, медом и сердцем барашка. Теперь все называли меня Иуланой, верховной жрицей храма Иштар.

Я поймала взгляд Дуду, он смотрел на меня с любовью и восхищением. А мое сердце теперь окаменело вместе с сердцем жертвенного барашка. Только каменное сердце с достоинством может служить Шумеру верой и правдой и открывать двери всех миров.

Как только приготовления были выполнены, жрец в белом произнес:

— В этот день мы, великий народ Шумера, собрались, как в былые времена, чтобы приветствовать Иштар в ее величии и почтить ее жертвенным дарами. Мы почитаем тебя, о великая Иштар, чтобы твоя сила возросла и обогатила нашу жизнь. Мы взываем к тебе, чтобы ты обратила

внимание на рабов своих в проявленном мире. Да будет так.

Народ хором прокричал:

— Мы приветствуем тебя, о великая мать!

В конце церемонии каждый из трех жрецов подходил по очереди к алтарю, рядом с которым стояла я, падал на колени и, не смотря мне в глаза, говорил:

— Завершена великая церемония. Пусть эти церемонии никогда не канут в небытие. После нас придут другие, кто не забудет твоего имени, о великая Иштар. Пусть твоя благодать никогда не покинет твой народ, любящий тебя. Да будешь ты к нам всегда благосклонна и даруешь нам мир, достаток и счастье. Сейчас и во веки веков.

Потом они запели:

Видеть тебя — благо, воля твоя — светоч!

Помилуй меня, Иштар, надели долей!

Ласково взгляни, прими молитвы!

Выбери путь, укажи дорогу!

Лики твои я познал — озари благодатью!

Ярмо твое я влачил — заслужу ли отдых?

Велений твоих жду — будь милосердна!

Блеск твой охранял — обласкай и помилуй!

Сиянья искал твоего — жду для себя

просветленья

Всесилью молюсь твоему — да пребуду я в мире!

Да прибавится мне богатства, что хранишь ты

справа,

Добро, что держишь ты слева, да получу

от тебя я!

Прикажи лишь — и меня услышат!

И что сказал я, так как сказал я, пусть

и свершится!

В здоровье плоти и веселье сердца веди меня

ежедневно!

Продли дни мои, прибавь мне жизни!

Да буду жив я, да буду здоров я, твою
божественность
Да восславлю!
Да достигну я моих желаний!
Тебе да возрадуются небеса, с тобою да
возликует
Бездна!
Благословенна будь богами Вселенной!
Великие боги сердце твое да успокоят!

Петр оторвался от текста, так как кто-то дотронулся до его плеча. Это была Маша. Он вздрогнул от неожиданности.

— Извини, не хотела тебя пугать. Я тебе кофе взяла. Ты же любишь флэт уайт с одной ложкой сахара. — она протянула ему бумажный стаканчик с красной крышкой. — И еще вот, я тебе распечатки принесла. Это уже анализ другой мумии, мужской. У него тоже такая же гаплогруппа по игрек, как и у тебя — J2a1-M1727. У тебя их две, это одна из них.

— Зачем ты копалась в моих генетических данных? Кто тебе приказал? — Петр уже злился.

— Никто. Просто мне было интересно. Ты мне симпатичен. Я думаю о тебе. Прости. — ее щеки покраснели, казалось, что она сейчас заплачет, но девушка взяла себя в руки. — Это так необычно — иметь две разные составляющие в игрек хромосоме, я о таком никогда не слышала. Я всегда видела в тебе что-то, отличающееся от других.

— Надеюсь, это останется между нами. Я бы не хотел стать объектом исследований.

— Да, я никому не скажу.

Она замолчала, уставившись в тонкую стопку распечаток, которую держала в руках. Потом протянула их Петру.

— Вот. Это по другой мумии, мужской. Я подумала, что тебе тоже будет интересно. Если что, я скажу, что тебе стало плохо, и ты вышел подышать, если Ольга придет.

— Спасибо! — ответил Петр, смотря на девушку в упор, пытаясь понять, скрывает ли она что-то.

Похоже, что нет. И она просто втрескалась в него.

Маша уже отошла на пару метров от лавки, где сидел Петр, потом остановилась и сказала:

— Может, мы сегодня после работы кофе поьем вместе?

— Может. — ответил Петр. — Я через полчаса буду уже в лаборатории. Прикрой меня, если что.

Молодой человек приложил амулет к тем бумагам, которые принесла девушка. Эффект был тот же. Буквы засветились зеленым цветом и Петр увидел текст. Этот текст был написан от имени Дуду, с которым он уже был знаком.

— Что здесь происходит? Почему крики слышны даже во дворе? Вы мешаете мне сочинять мои песни, — возмущенная Иулана вскинула руки, как будто собиралась молиться.

Иулана была принцессой, одной из дочерей Шарумкена.

— Извините, Эни, но этот человек оскверняет имя нашего великого правителя, вашего отца Шарумкена, он должен быть наказан. — произнес я ровно и безэмоционально, на сколько это было возможно.

— И что же он говорит?

— Ваши уши не выдержат этого. Обычный торговец. Видимо, сошел с ума, говорит, что видел сон.

— Вы отобрали у меня весь товар. Мои дети хотят есть, — закричал торговец.

Свист плети раздался в воздухе — один из моих подчиненных воинов ударил старика.

— Собаке слова не давали, — произнес я с уверенностью в своей правоте.

— Прекратите. Пусть скажет, — Эни была, как всегда, добра.

— Спасибо, Эни.

— Говори.

— Мне было видение. Когда-то, когда я был еще совсем юным, я уже видел подобную картину, только не во сне, а наяву, когда аккадцы впервые напали на наш прекрасный город. Много горя и боли познал тогда наш славный Урук. Вскоре это повторится. Ворота города будут валяться разбитыми, святая Иштар оставит нетронутыми дары жрецов, храм будет охвачен страхом, ибо нет ее в городе, ею покинутом. Как дева бежит из покоев, святая Иштар покинет свой храм. И в очень короткий срок, в пять дней и ночей Урук будет разрушен. А верховный эн будет сидеть в рубище один, его колесницы стоят без дела, всеми забытые. Здравый разум превратится в безумие. Плач детей и вой собак пронесется по городу. И покинут сей мир самые достойные воины, воины света. Горе, нужда, смерть и запустение угрожают захлестнуть практически все человечество, слепленное Энлилем.

— Именем великого Шарумкена приказываю тебе замолчать, безумный старик. — прервал я его слова. — Эни, отец вам не разрешал выходить из покоев без моего ведома.

Я был главным воином храма. У меня было мощное тело и много силы.

— Уведите этого сумасшедшего. А вы, Эни, пойдите со мной. Я вынужден доложить вашему отцу о вашем непослушании. И у меня для вас есть прекрасная новость.

Мы шли по длинным коридорам, Иулана немного впереди, а я за ней. Между нами висело тягучее молчание. Ее непокорные плечи настойчиво заявляли, что ей явно не по нраву такая опека. Она резко остановилась.

— Так! Почему ты идешь за мной следом? Я не хочу быть узницей в этом проклятом месте. Стой.

Она пошла дальше в надежде на то, что я останусь на месте. В конце концов, она Эни, а я простой солдат и должен подчиняться ее приказам. Но мне был дан приказ охранять ее, поэтому я пошел следом.

— Стой. Мне это надоело. Я прикажу тебя сослать куда-нибудь подальше, я не хочу видеть твою каменную рожу каждое утро, день и вечер. Я не удивлюсь, если ты тайно подглядываешь за мной, когда я сплю. — Она топнула ногой. — Мерзкий, противный слуга. Отойди, от тебя смердит, как от помойной ямы.

Ее лицо исказилось в гневной маске, которая однако скрывала под собой что-то более важное. На моем же лице не дрогнул ни один мускул. Я молчал.

— Иди вон, я освобождаю тебя от твоей службы. Я снимаю с тебя полномочия, пусть пришлют кого-нибудь другого.

Не меняя выражения лица застывшей маски, я тихо, но уверенно сказал:

— Это приказ вашего отца. А насколько я знаю, в этом городе он главный. И даже вы обязаны ему подчиняться. Поэтому я останусь защищать вас от разных нехороших вещей, которые могут произойти с молодой девушкой в большом городе.

— Да я даже никуда не выхожу. Сижу в этом храме, как в темнице. И только и вижу, что прислужниц да твою уродливую рожу.

— Эни не пристало так выражаться. На вас молится весь город, так что уж вы следите за своими словами. И если вам так хочется выйти, это можно, но только в моем сопровождении, конечно.

За разговором мы не заметили, как пришли в довольно просторную келью, в которой жила Иулана, верховная жрица храма.

— Сегодня гонец принес послание от вашего отца.

— И что это за послание? Ты редко мне приносишь хорошие новости. Если бы в нашем городе было разрешено убивать гонцов дурных вестей, ты был бы мертв как минимум три раза.

— На этот раз вам весть должна понравиться. Шарумкен Великий — наместник бога на земле. Ему доступны знания и веления богов. Боги послали ему весть, что теперь верховной жрице можно заключать брак. Но только с тем, кого выберет сам правитель.

— Ну да, боги ему это все лично передали. — Иулана усмехнулась. — Скорее всего, он хочет выдать меня замуж за кого-то важного, чтобы укрепить свою власть. Кого же мой великий отец припас мне в мужья?

— Дело в том, что вашему отцу было предсказано падение империи после его смерти. Но если следующим правителем будет сын главного жреца и храмовой жрицы, то все можно исправить. Из всех дочерей Шарумкена жрицей являетесь только вы, Эни. Так что вы выходите замуж за жреца Энунлаки. И свадьба назначена на месяц пиршества с умершими родичами. Осталось совсем немного времени, чтобы подготовиться. Вам разрешено самостоятельно выбрать блюда, которыми в день вашей свадьбы вы будете угощать предков.

— Я не хочу замуж за Энунлаки. Он старый и мерзкий!

— Но вы же сами говорили перед посвящением, что хотите семью, детей.

— Я хотела сама выбрать себе мужа!

— Дочь великого правителя не должна свои интересы ставить выше интересов империи.

Я поклонился и тихо вышел из комнаты, оставив Иулану наедине с новостью, которая у меня самого вызывала странные чувства. Я привык ходить тенью за ней. Быть ее тенью стало смыслом моей жизни. Когда-то я хотел быть тенью Шарумкена, и свое теперешнее назначение воспринял

не очень радостно. Но виду не показал: кодекс чести воина не позволил. Потом я привык к ней, полюбил ее. А еще я полюбил храм.

Храм находился на Тихой улице и был построен таким образом, что четыре его угла соответствовали четырем сторонам света. Фасад, который возвышался над другими сторонами здания, длинный и глубокий, выходил на юго-восток — место, где по легенде родилась богиня Иштар. Здесь стена храма и наружная крепостная стена сливались в одно. А самой высокой была надвратная башня. С трех остальных сторон между крепостной стеной и стенами здания Храма на Тихой улице тянулся мощный, открытый сверху, коридор шириной в полтора человеческого роста. Вход в него был через жреческие северные ворота. Я любил гулять по этому коридору, рассматривая сверху спящих по своим делам горожан. Там, где коридор упирался в фасадную стену, находились лестницы, которые вели на крышу и на стену с зубцами.

Все здание храма пересекал еще один коридор, тоже мощный, но более узкий. Он соединял самую большую келью (как говорили местные старожилы, келью бывшего жреца) с основными помещениями храма. Теперь в этой комнате было место, где богам преподносили ужин. Коридор вызывал у меня ощущение непонятной тревоги. Как будто еще несколько шагов, и случится что-то плохое. Это странное чувство я никак не мог подавить, поэтому старался не ходить здесь.

Вход в юго-восточную часть храма, посвященного богине Иштар, вел через поперечные сени, довольно просторные и светлые, после которых в свою очередь был мощный проход в квадратный вестибюль с кладовками по разные стороны.

В этих пространствах храма я регулярно пересекался с жрицей, которую я видел в ту ночь, когда подростком молился богам, сбежав из дома. Говорят, эта старуха жила

здесь еще при прежнем жреце. Она была настолько старая, что ее возраст определить было довольно трудно. «Ей уже лет сто», — посмеивалась Иулана. «Столько люди не живут, они же не дерево», — отвечал я ей. Хотя на старое, побитое дождями и ветром дерево, она была очень похожа. От нее шел какой-то холодок, и я мог поклясться, что она как-то странно всегда смотрела на меня пристальным, изучающим взглядом, впиваясь в мои глаза так, как будто что-то хотела понять, но не могла. Я пытался с ней поговорить, но она только мычала в ответ. Все говорили, что она немая. Но я мог поклясться, что слышал ее речь, когда она молилась около главного алтаря и думала, что рядом никого нет. Зачем она притворялась, было непонятно.

К храму примыкал также главный двор для молящихся. В центре его на высоком кирпичном подиуме возвышалась стела, изображающая богиню Иштар с вытянутой вперед и вверх правой рукой со вставленным в нее большим каменным сердцем.

Я опустил руки в бассейн для омовений в углу двора, а потом мимо постаментов и второстепенных алтарей направился к богине Иштар. Я хотел попросить у нее дать мне выдержки и терпения, чтобы устроить все, как нужно. Чтобы свадьба Иуланы прошла по высшему божественному и императорскому разряду, а я отошел от храмовых дел и вернулся к своим привычным воинским. Я просил богиню, чтобы она послала мне славную битву!

Но битву Иштар мне не послала, она послала большие перемены! В день поминовения предков, в день выбора женихов и невест.

Праздник дня поминовения предков настал! В Уруке традиционно это был и день сватовства, когда девушки и юноши выбирали себе пару. Он ознаменовывался пиршеством с мясной едой, которой кормили предков, чтобы они приносили в дом удачу и хороший урожай. Гостей угощали кутьей, сваренной из ячменя. Иногда до праздника сохра-

нялся последний необмолоченный сноп прошлого урожая. Это считалось признаком того, что предки благоволят тебе, и год будет удачным. Но самым важным моментом этого праздника, тем, из-за чего его любили и ждали больше всего, было хождение по домам ряженных девушек и юношей. Они надевали маски, наряжались в страшные и смешные одежды, изображая из себя уродов, горбунов, женщины переодевались в мужчин, мужчины в женщин, пели песни, восхваляющие богов и предков. В этот день можно было творить разные непотребства, пожалуй, единственный день в году, когда целомудренные шумеры позволяли себе это. И если тебе понравился акт любви с переодетым, нужно было дать ему какую-то свою вещь и взять ее. Если симпатии были обоюдными, то в течение сорока дней юноша посылал к девушке сватов, и они договаривались о свадьбе.

В ту роковую ночь все пошло как-то не так. Ряженных в городе было подозрительно много. И весь этот маскарад превратился в бунт. Под масками ряженных и одеждami уродов прятались воины, которые не хотели больше жить под властью Шарумкена. И первым делом они собрались захватить храм на Тихой улице, чтобы убить главную жрицу, несправедно посаженную на место богини, ведь она была дочерью Шарумкена, этого шакала, возомнившего себя наместником бога на земле.

Храм окружили. Я понял это слишком поздно. Отступить было некуда, силы были неравны, ведь при храме было всего около десятка воинов. Каждый из них лично присягнул мне в верности как главному воину этого города. Но этого было недостаточно для обороны. Нас всех очень быстро перебьют. Гонец в Урук, где находился Шарумкен, уже был послан, но пока прибудет подмога, мы будем уже мертвы. Себя мне было не жалко: воину умереть в бою не страшно. А как еще должен умереть воин? Жалко было Иулану, ее еще толком не успевшую начать жизнь. В том, что повстанцам нужна была именно она, я не сомневался.

Чтобы потянуть время, я приказал запереть храм изнутри. Но я прекрасно понимал, что нам осталось не больше четверти часа прежде, чем с той стороны выломают дверь и ворвутся в храм. И хотя я был одним из лучших воинов царя, а мои солдаты очень профессиональны, в таком малом количестве мы не могли противостоять толпе рассвирепевших людей.

Я судорожно думал о том, как сделать смерть Иуланы менее болезненной. Единственный выход — это убить ее самому. Страшно подумать, что могла сделать с ней рассвирепевшая тола. Главное попасть в сонную артерию, она умрет быстро, не почувствовав боли.

Я достал свой кинжал. Иулана вскрикнула, но все поняла. Она подошла ко мне, обняла и поцеловала. «Я готова. Перед смертью хочу сказать тебе, что даже на том свете я буду любить тебя. И если я вновь приду на эту землю, я найду тебя, чтобы быть вместе».

Слезы предательски катились из моих глаз. Было одновременно очень стыдно и освобождающее. Последний раз я плакал, когда мне было 14 лет, и отец в очередной раз заставлял меня лепить горшки, а у меня ничего не получилось. Я тогда поклялся себе, что если у меня не получилось стать гончаром, то я стану лучшим воином империи. С тех пор я участвовал во всех битвах войска царя, и всегда мне не только удавалось выжить, но и проявить себя как бесстрашного и беспощадного воина. Теперь же я стоял и плакал, потому что нужно было убить ту, которую я люблю.

В комнате раздался шорох, как будто мыши пытались что-то прогрызть в подполье. Но это были не мыши. Одна из плит на полу отодвинулась, и откуда-то из под земли показалась та самая старуха, с которой я периодически встречался в коридорах храма и которая была похожа на старое дерево.

— Спускайтесь за мной, я покажу вам выход за границы города, — она действительно не была немой.

Мы вслед за старухой спустились в подвал и шли за ней по коридору, который освещала одна небольшая свеча. Довольно быстро оказались на свежем воздухе. На улице было уже темно.

— Куда нам теперь? — спросила Иулана.

— В Киш. К вашему отцу. По дороге мы скорее всего встретим его войско. У нас нет другого выхода, — сказала я.

— Я пойду с вами. Мне теперь тоже нельзя возвращаться в Урук. — сказала старуха.

Ночь была ясная. Я хорошо ориентировался по звездам, поэтому мне несложно было определить, в какую сторону идти, чтобы добраться до Киша.

Мы шли несколько часов.

— Я устала, очень хочется есть. Давайте хотя бы немного передохнем, я не могу больше идти. — сказала Иулана.

Тогда мы решили сделать привал и немного поспать. Тем более, что от бунтующего Урука мы отошли довольно далеко.

— Всем спать нельзя. Будем меняться каждые два часа. Шесть часов, чтобы восстановить силы, нам хватит.

— Сначала поедим, — сказала старуха, — и вытащила из-под подола большой узелок, в котором были хлеб и вода.

Пока мы ели, она очень внимательно, изучающе смотрела на меня.

— Да, все же это ты!

— Я?

— Сын жреца!

— У меня остались смутные воспоминания из детства о похожем разговоре, но ведь я сын гончара.

— Как звали твоего отца?

— Луштамар. А мать Бити, но она умерла, когда я был маленьким, мне не было еще и 5 лет. Я плохо ее помню. Ты уже задавала мне этот вопрос, давно правда, когда мне было 14 весен.

— На самом деле твоего отца звали Элайя, а мать Ашера. Они зачали тебя в том самом храме на Тихой улице. А Луштамар и Бити — твои приемные родители, Бити — моя сестра. Я лично отнесла тебя новорожденного в ее дом, когда твоя настоящая мать умерла при родах.

И старуха рассказала мне о моей матери, отце и том дне, когда она отнесла меня к приемным родителям.

— Элайя был младшим братом Лугальзагесси, и он из царского рода. Ты — сын жреца из царского рода. Ты должен сесть на трон, иначе Шумер погибнет!

Ашера слушала, раскрыв рот.

— Так значит, я всегда любила не просто воина, а отпрыска царских кровей! Потомка рода, который по знатности выше моего!

На горизонте показались скачущие на лошадях люди. Должно быть, это были воины Шарумкена, спешащие в Урук, чтобы подавить восстание. Иулана обрадовалась: наконец-то ее мучения закончатся. Скоро она окажется в Уруке, поест, выпится. И она обязательно попросит отца, чтобы он разрешил ей выйти замуж за меня. Ведь это не только ее желание, это спасет царство Шарумкена!

Я услышал разрывающий воздух свист. Почувствовал, как липкая кровь потекла по моей шее, стало безумно горячо, и я потерял сознание.

Осмысленный текст опять превратился в собрание букв АГТЦ. Петр вернулся к другой стопке, где был записан код мумии женского пола. Оставалась всего страница.

Я услышала разрывающий воздух свист. Перед моими глазами пролетела стрела и вонзилась в шею Дуду. Он упал, я вскрикнула и бросилась к нему. Я пыталась его обнять и почувствовала что-то горячее и липкое на своих руках. Кровь. Дуду был без сознания.

В это время воины уже приблизились к нам. Они были на лошадях.

Старуха оторвала кусок от своей юбки, чтобы перевязать рану воина. При этом она читала заклинание:

Злой Удуг, изыди из тела странника,
болезнь, страдание, словно вихрь
повергли странника, утопили его в крови.
Этот человек отходит на другую сторону жизни,
и если настал его час, примите его предки,
а если нет, отпустите его душу на землю.

Воины оказались женщинами. В руках у них были большие топоры и какие-то длинные веревки, похожие на удавки. Одна из них нависла надо мной, силой закрыла мне рот и потащил куда-то от лагеря. Я пыталась драться, но воительница крепко держала меня.

Потом меня связали, заткнули рот кляпом и положили как поклажу на лошадь. Со старухой и Дуду сделали то же самое.

Больше ни Иулану, ни Дуду в Шумере никто не видел. Но ходили легенды, что главная жрица Храма на Тихой улице примкнула к женщинам-воительницам, которых еще называли амазонками. А впоследствии возглавила их племя.

Вечером Петр и Маша сидели за симпатичным столиком в новой кофейне под названием «11 зерен», которая была стилизована под этно.

Позвонила мама, Петр извинился и вышел. Мама, как всегда, была некстати. Но сейчас он не мог ей не ответить, все-таки умерла бабушка, и мама, наверное, не в самом хорошем настроении. Петр чувствовал вину перед ней, поэтому не выключал телефон. Мама рассказывала обо всем на свете, и звонок занял не меньше 20 минут. Петр несколько раз пытался разговор закончить, но каждый раз мама просила еще минуточку. В конце концов он сказал, что перезвонит и нажал отбой.

Когда он вернулся к столику, Маша что-то записывала в тетрадку. Увидев его, поспешно закрыла ее, и, улыбнувшись, сообщила, что его горячий бутерброд почти остыл.

В кафе работал телевизор, включенный на канале «Страна-25».

— Немного о ситуации в Соседней Стране. Отмечается беспрецедентная концентрация экстремистов на окраинах Портового города. Боевики ВССС (вооруженных сил Соседней Страны) блокировали все дороги на въездах. По оценкам военных специалистов, в настоящее время в городе может быть сосредоточено до 10 тысяч боевиков-радикалов. По имеющейся информации, широкомасштабная военная кампания наших вооруженных сил по восстановлению контроля над городом должна начаться в ближайшие дни.

Люди с оружием. Пыльные дороги.

На Петра накатила какая-то вселенская тоска, чувство, что он все потерял и ничего нельзя вернуть.

— Знакомая местность. — произнесла Маша, вздохнув.

— Да. — сказал Петр, представив почему-то картину боя Шаррумкена с Элайей.

Маша имела в виду не Шумер. Она раньше жила в Порт-овом городе, а сюда приехала еще до того, как город разнесли бомбы и танки.

Они ели молча, думая каждый о своем. Маша думала, с чего бы начать и как выделить главное в рассказе о том, как она мечтала об этом дне в течение последних месяцев, каждый день найти возможность сказать ему о своих чувствах. А Петр о том, что к сэндвичу как-то мало соуса положили. И лист салата уже немного подвял.

Когда с едой было покончено и официант принес кофе, каждому из них стало понятно, что молчать дальше нельзя и нужно о чем-то поговорить. Хорошо, что у них была обшая работа, поэтому и тема для разговора нашлась.

Петр вызвался проводить Марию до дома, то ли из вежливости, то ли из-за того, что находясь рядом с ней, он чувствовал себя спокойно. Солнце клонилось к закату, но жара не отпускала. К вечеру стало душно, видимо, ночью должен был пойти дождь. Духота заставляла сильно потеть и ощущать липкость своего тела. Но это ощущение давало Петру каку-то приземленность и свободу одновременно. Петр почувствовал, как будто что-то изменилось. Люди уже не были картонными и плоскими, они приобрели объем, но вместе с тем стали распространять разные запахи, и они были очень громкими. Вот прошел молодой человек, от которого за несколько метров исходил приторно мускусный запах, запах на грани фола, а вот пробежал дедулька с приятным еле уловимым залежалым запахом хозяйственного мыла, от какой-то девушки пахло жареной колбасой. Маша пахла лавандой.

Они дошли до дома Маши, она пригласила его войти.

— Извини, может глупый вопрос, — входя в квартиру, сказал Петр, — но я весь липкий, очень неприятное ощущение. Можно я у тебя душ приму?

— Да, конечно, — сказала Маша.

Когда она была на кухне, услышала крик Петра.

— Черт, холодную воду отключили. А я весь в мыле.

— У меня есть пластиковые бутылки, там рядом с раковиной стоят, набранные. Я тебе сейчас ковшик принесу. В тазу разбавь холодную с горячей.

Она постучала, услышала «входите», вошла. Он стоял перед ней совершенно голый.

— Может, ты мне поможешь? — сказал Петр. — Неудобно себе спину из ковшика поливать.

И громко засмеялся.

Она тоже засмеялась в ответ. Много раз она представляла себе сцену раздевания Петра, их встречу. Но то, что она будет смывать с него мыло из ковшика, так как холодную воду отключили, это она ни разу не фантазировала. Смех происходил сам собой, пользуясь их телами. Они не могли остановиться, уже болел пресс, а они все смеялись. Потом Смех резко ушел, и пришел Секс, долгий, плавный и чувственный.

Маша иногда баловалась женскими романами и даже пыталась писать их. Но ей никак не удавались постельные сцены. А что за женские романы без постельных сцен? Раньше не получалось. Но после случившегося получилось. Пока они занимались любовью, текст сам собой писался в ее голове.

«Из ванны они перебрались в спальню. Время замедлило свой ход, и Петру казалось, что Маша тысячи лет целует его, тысячи лет он ласкает ее спину и еще тысячи лет он двигается в ней. Как будто тела, соскучившиеся друг по другу за эти тысячи лет, сливались в одно, создавая общий рисунок наслаждения. Ее стоны были единственным, что его интересовало. Больше ничего не было. Он любил ее в эти минуты так, как никого не любил во время секса. Казалось, что он искал именно это тело тысячи лет, и вот, наконец, нашел. Это тело ему не принадлежало, не принадлежало никогда, не принадлежит ему и сейчас. Но блаженства большего, чем скользить внутри нее, Петр не знал. Желание обладать овла-

дело им через нее. И теперь он скользит внутри нее, затирая истощенные попытки быть вместе».

Когда все закончилось, Петр увидел тетрадку, лежащую на тумбочке возле кровати. Эта была та самая тетрадка, в которую она что-то записывала, когда он вошел в кафе после разговора с мамой.

Стихи.

— Твои? — спросил Петр.

Она кивнула.

— Можно?

— Да.

Петр открыл последнее записанное в тетрадку стихотворение.

— Посвящено тебе, — сказала Маша, зарываясь в его подмышку как мышка в норку.

Помни, стоя на краю обрыва,
Мы с тобой калеки, наши крылья сломаны.
Среди войны, красной грязи стенами
Наши потоки текут теперь мимо.
Мимо друг друга, многими жизнями,
Прикрываясь, словно заборами,
Нелюбовью железобетонною,
Телами несбывшимися, голыми, стыдными.
Я не могу память твою вылечить,
Чтобы ты увидел, как мы, порванные,
Лежим на бранном поле, воронами
Изглоданные подсолнуха семечки.
Когда-то я думала, что была оставлена
Всеми на растерзание варварам,
Пришедшим на мою землю карою,
Испытанием божественным явленным.
Но ты был со мной параллельными линиями,
Воюя с теми же жадными убийцами
И пустыми, страшными лицами,
Разбивая их в кровь другою силою.

Когда я думала, идти бессмысленно —
Все равно в борьбе силы нет уже —
Закрывал меня, неодетую,
Саван света вязал ты мне спицами.
Где ты был четыре тысячи лет адские?
Ведь не здесь и не там. Вне времени?
Под каким ты скрывался именем
И куда спрятал сети рыбацкие?
Не пора ли нам снова встретиться,
Чтоб уйти с того поля бранного?
Сбросить шлемы с чужими забралами.
Вечность дымкою легкою стелется.
Мы в оковах войны, мы связанными
Ею летами, веснами, зимами
Проползли уже многими жизнями
На разорванном брюхе, грязными,
Позабытыми, разворванными!
Пробудись ты, вочеловеченный,
Не ломай больше кости белые
Раскуроченными снова войнами,
Через войны глухими стонами,
Заглушенными, одурелыми.
Нам нельзя на Земле задерживаться,
Она делает нас бешеными
Псами яростными, но ослепшими,
Богом проклятыми и отверженными.
Я твою излечу память,
Только если ты не забудешь
Лик свой истинный, если сможешь
Сохранить, на войне не оставить.

— Ты не представляешь, как точно ты передала все, что со мной происходит.

— Представляю, — тихо сказала Маша. — Ты останешься со мной?

— Да, я останусь с тобой. Но сегодня мне нужно вернуть-

ся домой: бабушка умерла, маме пока сложно быть одной. Завтра мы обязательно встретимся на работе. И потом еще и еще. Я останусь.

Он встал с кровати, оделся.

— Ночь быстро закончится, и мы будем вместе. — сказал он, закрывая за собой дверь.

Когда Петр выходил из подъезда, ему казалось, что не было никаких шаманских обрядов, встречи с Человеком в капюшоне. Было только ощущение тепла обычной земной девушки, которая любила его здесь и сейчас, телом. Он был почти счастлив, ему было просто хорошо. И только в голове крутилась мысль:

Я твою излечу память,
Только если ты не забудешь
Лик свой истинный, если сможешь
Сохранить, на войне не оставить.